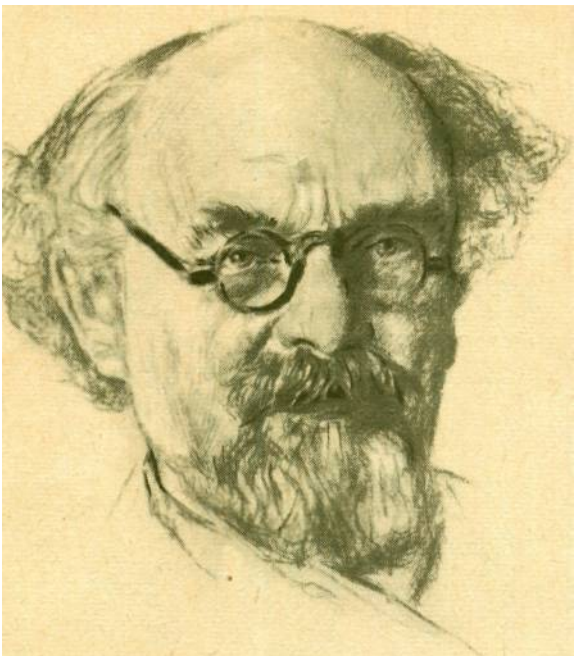
ЧИТАЕМ САМИ

М. ПРИШВИН

ВАСЯ ВЕСЁЛКИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО"ДЕТСКАЯЛИТЕРАТУРА"

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2011г.



М. ПРИШВИН

ВАСЯ ВЕСЕЛКИН

Рассказы

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1979

Р2
П77

Михаил Михайлович Пришвин был уже очень старым, а всё равно мог уйти далеко в лес и бродить там с утра до вечера то с корзинкой для грибов, то с ружьём и охотничьей собакой и уж непременно со своей записной книжкой. Пришвин так любил лес и так умел его понимать, что даже в обыкновенной заячьей капустке видел интересное: под жарким солнцем она закрылась, а к дождю раскрылась, чтобы ей больше дождинок перепало. Как будто она живое, разумное существо.

Когда будешь читать рассказы Пришвина, тебе покажется, что писатель взял тебя за руку и повёл за собой. Ты увидишь, словно перед глазами, всё, о чём в них написано, научишься ещё лучше понимать и любить родную природу. Она станет и твоим другом. А когда у человека есть настоящий друг, он становится умнее и добрее.

Пришвин был замечательный писатель. Он написал много книг, и они принесут тебе радость всё новых и новых открытий.

Пришвин М. **М.**

П77 Вася Весёлкин: Рассказы/Рис. Г. Никольского и В. Юдина. — М.: Дет. лит., 1979.— 32 с, ил. («Читаем сами»).

10 коп.

В книге напечатаны рассказы: «Золотая рука». «Вася Весёлкин», «О чём шепчутся раки» и «Лисичкин хлеб».

70802-443 20Q_79
"MX1 (03)79 79

Р2

ЗОЛОТАЯ РУКА

Нашему дедушке в этом году стукнуло семьдесят семь лет, но он всё не унимается, работает с утра до ночи, а в свободное время даже и на охоту ходит.

Прошлый год погибла от чумы его любимая собака Жулька. Наши соседи говорили:

— Ну вот, теперь уж дедушка не будет больше возиться с собаками. Хватит!

Да и мы сами думали, что нет у него больше духу купить нового щенка, выращивать его, учить дома и в поле.

Нет! Опять у нас подрастает щенок, только не Жулька, а Жалька, и в доме опять кутерьма;

то стянет с гвоздика полотенце и мчит его по коридору с высоко поднятой головой, то у соседей кастрюлю опрокинет с молоком--сам испугается, забьётся под диван, лежит и дрожит. И опять у нас соседи ворчат:

— Семьдесят семь лет старику — и всё не унимается, какой-то неуёмный бубен.

Но не из железа же сделан человек! В последнюю эпидемию гриппа дедушка наш захворал. Какое уж там железо! Дедушка непрерывно кашлял, загорелся и слёг в постель.

Вызвали знакомую докторшу, и прилетела к нам, как облако, вся в голубом, молодая блондинка-наша районная докторша Юлия Павловна.

— Дышите! — приказывает.

Дедушка дышит и кашляет.

— Ещё дышите! •

Ещё дышит и кашляет, в груди что-то поёт на всю комнату.

Докторша выслушала дедушку, нахмурилась, покачала головой и говорит:

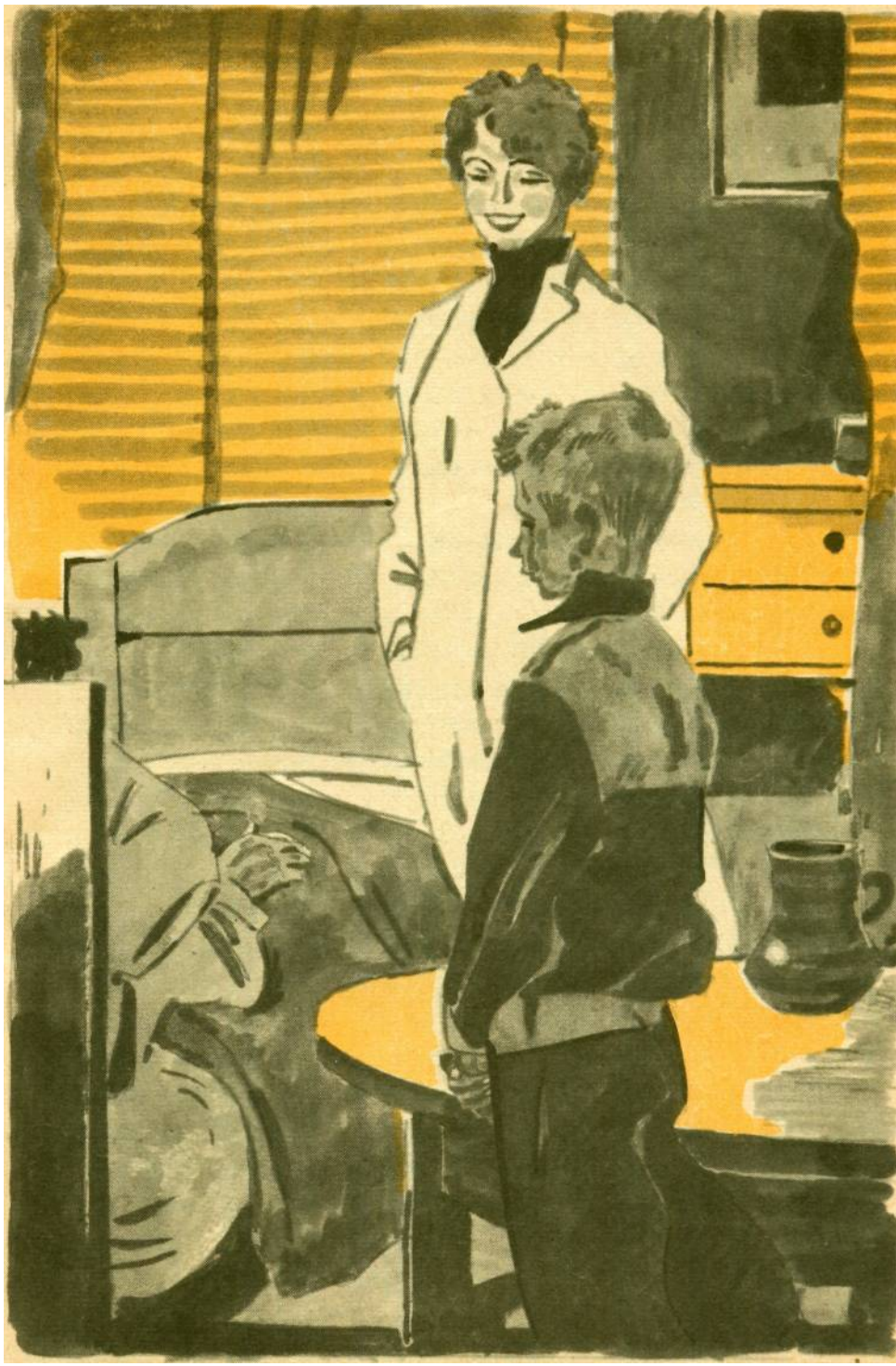
— Пришло время и вам поболеть!

У дедушки оказалось воспаление в лёгких, на той и на другой стороне.

Пенициллин!--сказала Юлия Павловна.

И назначила ввести в тело дедушки армию в пять миллионов бойцов, называемых медицинскими единицами. Что это значило, мы поняли, когда принесли лекарство из аптеки. В коробке было множество пузырьков, и в каждом пузырьке на донышке порошок жёлтого цвета. Было две крышечки на каждом пузырьке: одна металлическая — легко снималась, другая резиновая.

Сквозь эту резиновую пробочку протыкали острой иглой дырочку и вводили бесцветную жидкость. Порошок плесени в ней растворялся. Потом жидкость из пузырька выкачивали шприцем,, и это



была целая армия бойцов в сто тысяч медицинских единиц, готовых войти в тело человека и начать борьбу за его жизнь.

Решено было через каждые три часа круглые сутки вводить по сто тысяч бойцов и всего ввести на борьбу с болезнью войско в пять миллионов.

Нам стало жалко дедушку, и мы спросили:

— Очень больно будет?

Вместо ответа докторша подошла к телефону и долго спорила с кем-то, настаивала на своём, повторяя имена медицинских сестёр-[1] Клавдии Ивановны и Елены Константиновны. Кончив разговор, она ответила нам на вопрос: больно ли будет дедушке или терпимо?

У нас,— сказала она,— есть медицинская сестра Клавдия Ивановна, и у неё такая лёгкая рука, что сонного уколет--и он слышать не будет. Сейчас она занята и придёт только через сутки, но ждать нам нельзя; сейчас придёт другая сестра--Елена Константиновна, тоже хорошая сестра, строгая, аккуратная, только жалуются больные: колет больно— рука тяжела.

Первый укол сделала сама Юлия Павловна, и так легко, что дедушка во время укола чему-то улыбнулся. И когда Юлия Павловна ушла, он стал ещё больше смеяться и сказал:

— Длинный сарафан!

В чём дело? — спросили мы.

Волос долог,— ответил он.— Как это вы сами не понимаете? Она доктор, учёная женщина, а держится бабьих глупых басен о тяжёлой и лёгкой руке. Не в лёгкой руке дело и не в тяжёлой, а в уме и в мастерстве. Колет больно — значит, плохо умеет; колет без боли — значит, мастер своего дела.

Ничего, дедушка,— подсчитав, сказали мы,— потерпите: в сутки Елена Константиновна будет колоть вас всего восемь раз--один раз сделано,

остаётся семь — и введёт вам восемьсот тысяч бойцов, а всего надо ввести пять миллионов, и это будет делать Клавдия Ивановна, а у неё рука лёгкая.

Лёгкая!--засмеялся дедушка добродушно, понимая, что и мы смеёмся над суеверием докторши.

Через три часа после первого укола пришла сестра Елена Константиновна, и сразу же с её приходом у нас как будто всё сошло со своих мест. Не успела в передней сестра снять один свой ботик и приняться за другой, как Жалька схватила первый ботик, высоко подняла его и, помахивая им в разные стороны, помчалась по коридору. Сестра в одном ботике помчалась за Жалькой, Володя и Миша — за сестрой.

В большой комнате Жалька с ботиком носилась вокруг стола, и дети с трудом её поймали. Во всё время этой погони сестра ни разу не улыбнулась, и бледное узкое лицо её покрылось несходящими сердитыми красными пятнами. Она потребовала удаления собаки. Жальку заперли, и она в неволе выла всё время и беспокоила наших соседей. Больше всего обидно было за детей: они же отбили ботик у Жальки, и им же рассерженная сестра в глаза сказала:

— Какие невоспитанные дети!

Через каждые три часа круглые сутки сестра вводила в тело дедушки по сто тысяч бойцов. Во время укола больной закрывал глаза, а по лицу его во время вливания как будто перебегали серые мышки.

Дедушке становилось всё хуже и хуже. Ясные глазки его потускнели, и он редко их открывал.

- До свиданья, будьте здоровы!--сказала ему сестра.

Больной открыл глаза, поглядел и, ничего не сказав, закрыл. Сестра ушла, и те красные пятна на её бледном лице так и не сошли.

Через три часа после ухода первой сестры пришла к нам сестра Клавдия Ивановна. Она была маленькая, и так было чудно: она как будто смеялась глазами, а щёки только помогали немного глазам улыбаться. Из всех нас эти милые глаза сразу же выбрали Жальку, и в ответ собака прыгнула и чуть-чуть только не поцеловала маленькую сестру в губы.

Когда сестра помыла руки, надела халат, мы все вместе и, конечно, с Жалькой вошли к дедушке, и он, увидав Жальку, как будто чуть-чуть улыбнулся и, глядя на Клавдию Ивановну, как будто узнавал её.

Сколько бойцов ввела Клавдия Ивановна-, как

боролись армии за жизнь человека--всё это записывалось; число вливаний, пульс, температура - всё оставалось на бумажке для доктора.

Сам дедушка нам рассказывал потом, что в какую-то ночь, перед каким-то вливанием слышит он, будто Жалька лапой царапнула по двери и открыла её и тихонько вошла. Все в доме'спали, и так было тихо, что слышалось ясно больному, как стучали на ходу о пол собачьи коготки.

Этот стук прекратился у постели, и дедушке стало так хорошо, так почему-то радостно.

— Дай лапку! — сказал он.

Жалька положила на постель одну лапку.

Дай другую!--приказал больной.

Жалька положила другую лапку и поднялась.

Тогда представилось дедушке--как это часто во сне представляется охотникам,— будто не простые это полянки в лесу, не простые цветы, а заливы цветов, и по ним, по цветистым заливам, в тёплом море, в сиянии носится его собака, и он идёт, идёт из залива в залив, и конца этому нет, и всё лучше и лучше...

Но это радостное охотничье чувство налетело и прошло. Дедушка понял, что теперь далеко до лета, что он болен, а Жалька носом холодным подняла одеяло и лизнула тело его горячим языком. Теперь собака, по его рассказу, конечно, должна бы прыгнуть на кровать, а это нельзя, и дедушка закричал:

— Убирайся вон!

Очнувшись, он увидел, что это не собака была, а Клавдия Ивановна стоит над ним и смеётся своими глазами.

Извините меня, Клавдия Ивановна,— сказал дедушка.— Мне приснилось, будто это Жалька лезет ко мне на кровать. Пожалуйста, сделайте вливание.

А я уже сделала!--ответила Клавдия Ивановна.

Так сделала безболезненно, что дедушка совсем ничего не слыхал, никакой сучок даже не уколол его сквозь сон на волшебной охоте в лесу, и самый укол он понял, будто любимая его собака лизнула по телу горячим языком.

Дедушка вдруг чему-то очень обрадовался, пожал руку сестре и сказал:

Сестрица, дорогая, у вас золотая рука!

Наверно, этот укол и был тот самый, когда враждебная жизни армия капитулировала и здоровье стало возвращаться к больному. На другой день вернулся к дедушке обычный его интерес к жизни всякого человека, и Клавдия Ивановна подробно рассказывала ему о себе: сколько она зарабатывает в поликлинике, сколько подрабатывает ночными дежурствами и куда и на что идёт её заработок. Оказалось, что муж её убит на войне и у неё на руках теперь мать и мальчик Андрюша, шести лет.

Шесть только лет,— рассказывала Клавдия Ивановна,— а какой умница, если бы вы только знали!

И привела пример из жизни Андрюши такой, что каждый день непременно, когда она возвращается со службы, он задаёт вопрос, кем ему лучше сделаться, чтобы потом помогать маме и бабушке.

Доктором, конечно?--сказал дедушка.

А это он сам знает, и сам каждый день называет что-нибудь новое: доктором — было, рабочим— было, инженером--и чего, чего! А в последний раз знаете что сказал?

Наверно, лётчиком?--спросил дедушка.

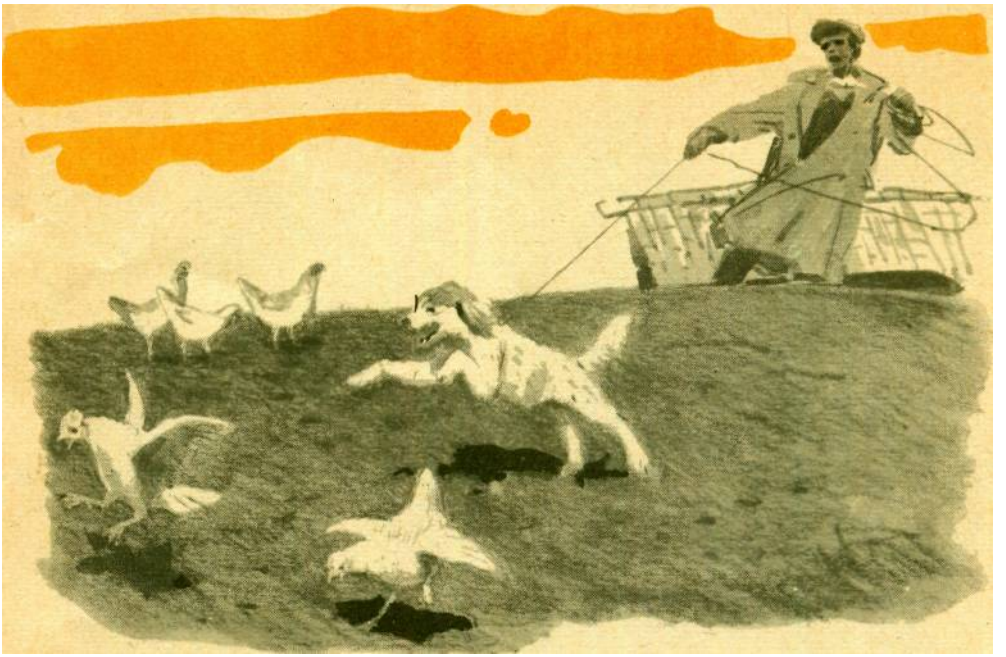
Лётчиком--это уже много раз. Нет! «Хочу, говорит, сделаться администратором!»

Адмиралом, наверно?--спросил дедушка.

Нет,— отвечает сестра,— администратором.

Дедушка весело засмеялся над этим администратором, а когда сестра закончила своё дежурство, нашёл какую-то книгу с картинками и надписал на ней:

«Милый Андрюша! Не думай много о том, кем тебе быть. Будешь доктором., будешь рабочим, инженером, лётчиком, администратором — на всяком месте помни о маме, работай, как она, и везде будет тебе хорошо, везде будут говорить: у Андрюши, как у мамы его, золотая рука».



ВАСЯ ВЕСЕЛКИН

Когда снег весной сбежал в реку (мы живём на Москве-реке), на тёмную горячую землю везде в селе вышли белые куры.

— Вставай, Жулька! — приказал я.

И она подошла ко мне, моя любимая молодая собака, белый сеттер в частых чёрных пятнышках.

Я пристегнул карабинчиком к ошейнику длинный поводок, намотанный на катушку, и начал Жульку учить охоте сначала по курам. Ученье это состоит в том, чтобы собака стояла и смотрела на кур, но не пыталась бы курицу схватить.

Такое поведение собаки называется у охотников *стойкой:* собака стоит, а он сам стреляет или накрывает сеткой дичь.

Непонятная сила, влекущая собаку к курице, у охотников называется *потяжкой*. Только не надо думать, что собаку тянет желание полакомиться курицей или какой-нибудь другой птицей. Нет, её тянет страстное желание остановить в своём движении всё живое, всё способное двигаться, бежать, плыть, летать.

Вот так и вышли на чёрную горячую землю белые куры, и Жульку к ним потянуло. Медленно приближаясь, Жулька остановилась перед одной курицей в двух или трёх метрах. Я перестал отпускать поводок и крепко зажал его в руке. Постояв некоторое время, Жулька сунулась, чтобы схватить курицу, и та с криком взлетела, а я так сильно дёрнул за поводок, что Жулька опрокинулась на спину.

Так сурово для острастки я поступил только раз.

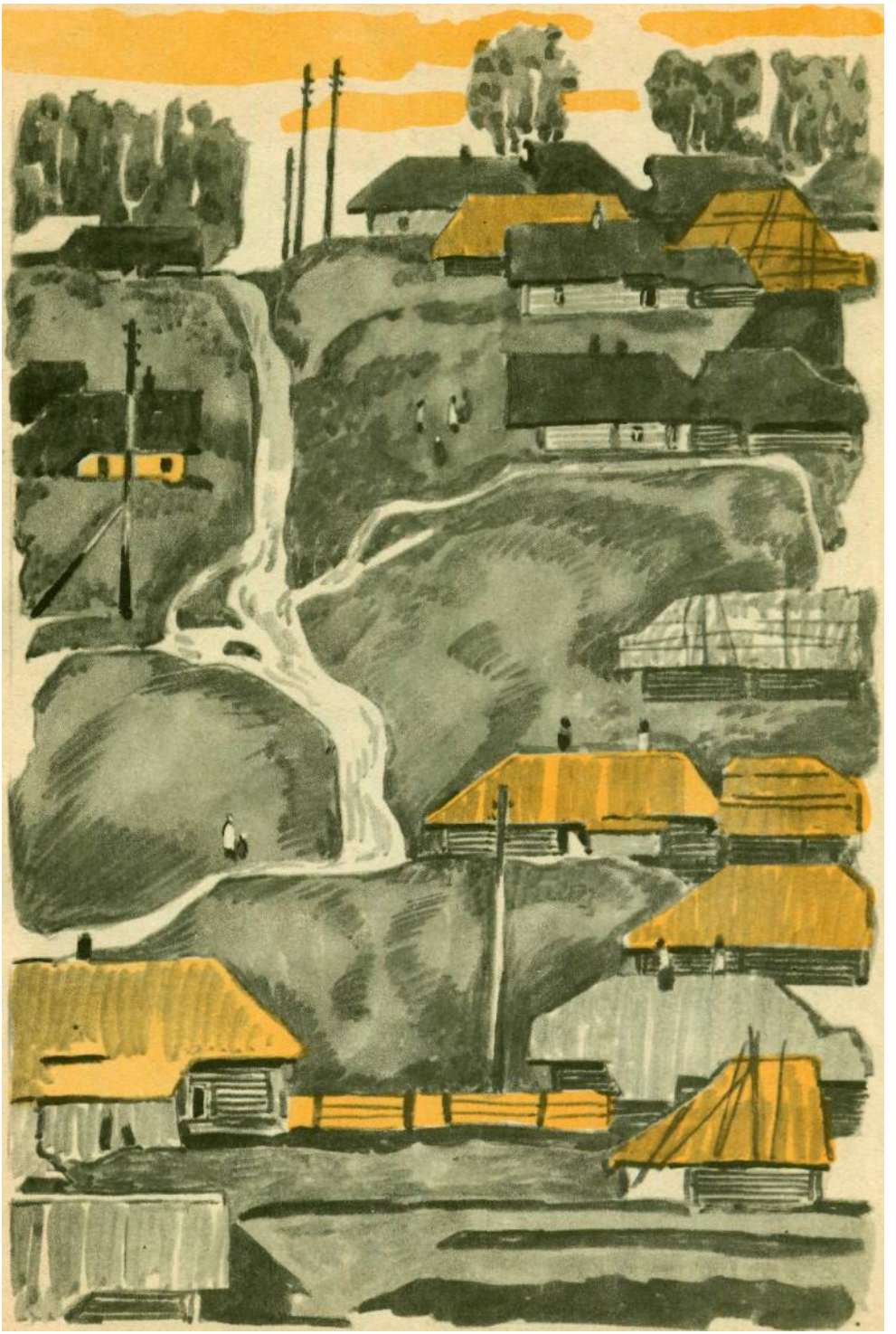
— Лежать!--крикнул я в следующий раз, когда она опять сунулась.

И она, приученная к «лежать!» ещё зимой в комнате, легла. И пошло так у нас изо дня в день, и в какую-то одну неделю Жулька отлично всё поняла.

Кроме кур, в нашей деревне никаких домашних птиц нет. Мы живём на берегу Москвы-реки, повыше Рублёвского водохранилища, снабжающего Москву-столицу питьевой водой. Чтобы не загрязнять воду, у нас в деревне запрещено держать водоплавающую птицу.

Но я совсем упустил из виду, что в селе на другой стороне реки один хозяин держит гусей.

Вот и не могу сейчас сказать, по какому это праву он их держит и почему никто не вступится за чистоту московской питьевой воды. Думаю, скорее всего, люди в колхозе были очень заняты, им было не до гусей, да и гусиный хозяин, может быть, неплохой был человек, ни с кем не ссорился,-



вот и терпели гусей до поры до времени. Я и сам совсем забыл об этих гусях и спокойно шёл, пуская Жульку свободно бегать перед собою справа налево и обратно — слева направо.

Ничего худого не подозревая, мы вышли в конце деревни в прогон к реке. Небольшой холмик разделял нас от реки, и по нему кверху поднималась по травке белая тропка--след больших и маленьких человеческих ног, босых и обутых. Жулька пустилась вверх по этой тропе. На мгновение она показалась мне вся вверху на фоне голубого неба. У неё была поза именно такая напряжённая, какая бывает у собаки на стойке. Не успел я ей крикнуть своё обычное «лежать!», как она вдруг сорвалась и бросилась со всех ног вниз по другой, невидимой мне, стороне холма. Вскоре потом послышался всплеск воды и вслед за тем крик, шум, хлопанье по воде крыльев такое, будто бабы на помосте вальком лупили бельё.

Я бежал наверх и вслед за ударами сердца своего повторял про себя: «Ая-яй! Ая-яй! Ая-яй!»

Это потому я так испугался, что очень много в своей жизни страдал. Задерёт собака какую-нибудь животину--и ничем не откупишься: так изругают, так осрамят, что весь сморщишься, как сушёный гриб.

Добежав до вершины холма, я увидел зрелище, потрясающее для учителя легавой собаки: Жулька плавала по воде, делая попытки схватить того или другого гуся. Смятение было ужасающее: гусиное гоготанье, хлопанье крыльев, пух гусиный, летающий в воздухе.

Звук моего свистка и крики были совершенно бессильны: настигнув одного гуся, Жулька пускала из него пух, а гусь, подстёгнутый щипком, набирал силу и, помогая себе крыльями, частью водой, частью по воздуху уклонялся от второго щипка. Тогда

Жулька повёртывалась к другому гусю, пускала пух из него...

Пух, как снег, летел над рекой.

Ужасно было, что в разлив воды ещё невозможно было сделать обычные мостки через реку, и я не мог приблизиться хоть сколько-нибудь к месту действия: всё происходило на самой середине широко разлившейся Москвы-реки.

Всех гусей было восемь. Я не только успел всех сосчитать, но положение каждого гуся представлял себе, как представляет полководец положение всех частей его войска. У меня вся надежда была на гусей: что какой-нибудь гусак, раздражённый, наконец озлится и сам попробует Жульку щипнуть. Она такая трусиха! Если бы хоть один гусь сделал такую попытку, Жулька бы немедленно пустилась ко мне под защиту от клюва храброго гуся...

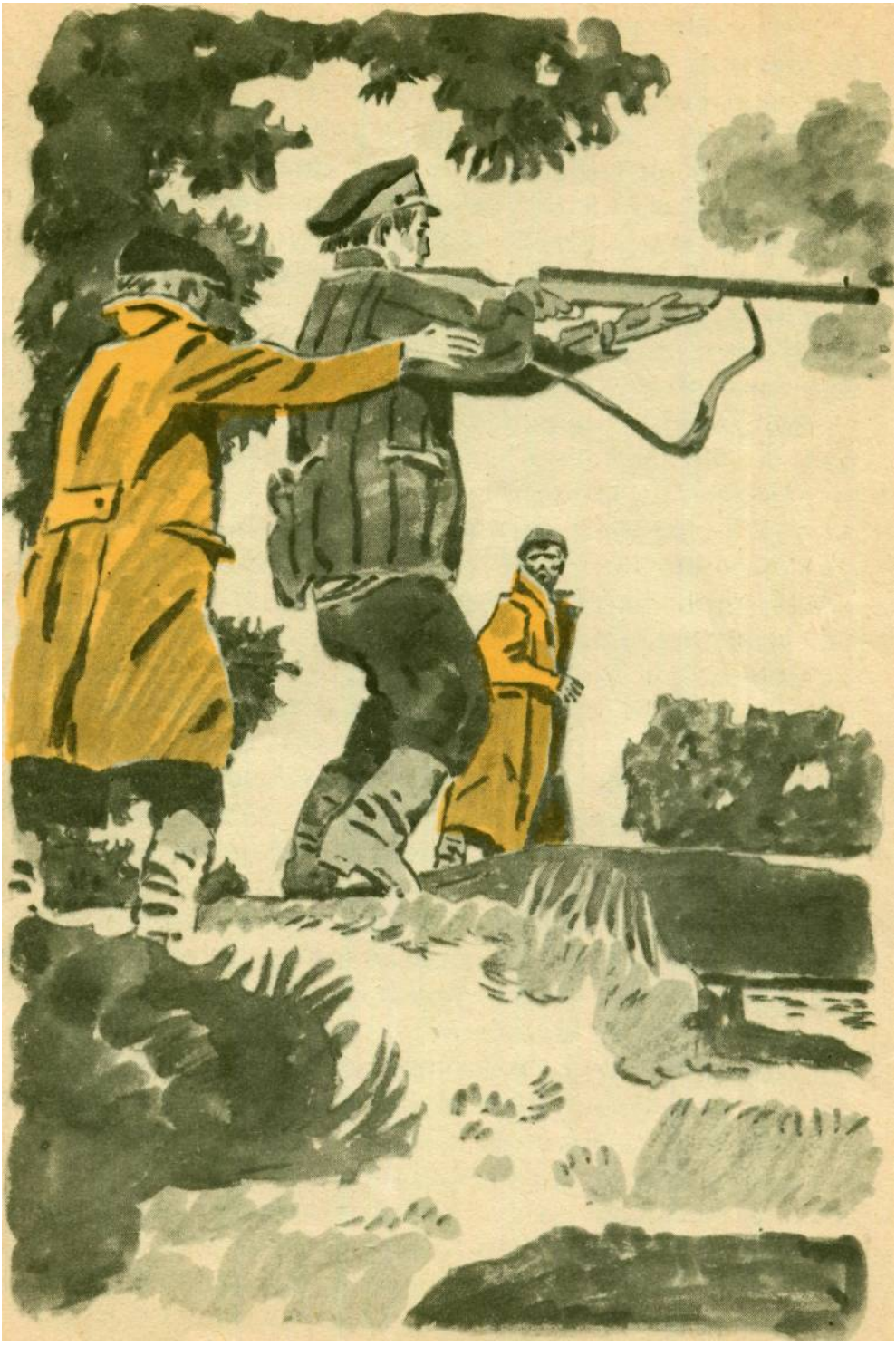
И вот, казалось мне, один гусак как будто и догадался, и, наверно, всё бы кончилось хорошо. Но в этот момент выбежал из кустов Витька с ружьём, сын хозяина гусей, и прицелился в плавающую голову Жульки...

Сердце у меня оборвалось. Но почему я не крикнул, не остановил мальчишку? Мне кажется теперь, как будто всё было во сне, что от ужаса я онемел. На самом же деле, конечно, я бы крикнул, если бы только было мгновение для крика. Всё произошло так скоро, что крикнуть я не успел.

Грянул выстрел.

Я успел всё-таки увидеть, что чья-то рука из кустов толкнула Витьку в плечо и дробь хлестнула по воде далеко от места побоища. Витька хотел стрелять из второго ствола, но голос из кустов остановил его:

— Что ты делаешь? Собака законно гонит гусей: тут водоохранная зона; не собака, а гуси тут незаконные. Ты, дурак, своего отца подведёшь!



Тут, конечно, и у меня язык развязался, да и Жулька опомнилась от выстрела, услыхала мой зов, поплыла к моему берегу.

Конечно, я тут не растерялся до того, чтобы открыть Жульке свою радость спасения. Напротив, я ждал её на берегу мрачный и говорил ей своим видом, как я умею разговаривать с собаками.

— Плыви, плыви,— говорил я,— ты мне ответишь за гусиный пух!

Выйдя на берег, она, по собачьему обыкновению, хотела укрыть своё смущение посредством делового встряхивания, фырканья, катанья по песку. Но как она ни старалась, гусиный пух с её носа и рта не слетал.

— Ты мне ответишь за гусиный пух!--повторил я.

Наконец и ей надоело притворяться, обернулась ко мне, и я прочитал по её виду: «Что же делать, хозяин, я уж такая...»

— Нет, матушка,— отвечал я,— ты не должна быть такая.

«Что же делать?»--спросила она и сделала шаг в мою сторону.

— Что делать?--сказал я.— Иди-ка, иди ко мне на расправу.

Нет, этого она боится. Она ложится на брюхо, вытягивает на песке далеко от себя вперёд лапы, кладёт на них голову, большими человеческими глазами глядит на меня.

«Прости меня, хозяин!»--говорит она глазами.

— Пух у тебя на носу!--говорю я.— Отвечай за пух!

«Я больше не буду»,— говорит она глазами с выступающими на белки красными от напряжения и раскаяния жилками.

— Ладно!--говорю я таким голосом, что она меня понимает и несётся ко мне.

Так всё хорошо кончилось, но одно я в радости своей упустил. Я не успел рассмотреть, кто же это был спаситель Жульки. Когда я вернулся домой и захотел приступить к своим обычным занятиям, мысль о неизвестном не давала мне работать. Любовь моя к охоте, к природе, к собаке не могла оставаться во мне теперь без благодарности спасителю моей прекрасной собаки... Так я отложил свои занятия и пошёл к учителю в школу за несколько километров от нас. По маленькой руке, толкнувшей Витьку в плечо, по голосу я знал, что это был мальчик. По рассудительному окрику я знал, что мальчик, наверно, учился в школе.

Рассказав всё учителю, я попросил его найти мне мальчика, спасителя Жульки, обещал, что подарю ему любимую мной книгу «Всадник без головы» в хорошем издании. Учитель обещал мне найти мальчика, и после того я уехал надолго учить Жульку в болотах.

Приближалось время охоты, когда, выучив Жулику, я вернулся домой и в первый же день направился к учителю. Оказалось, найти спасителя Жульки не так-то легко. Но только несомненно, что он был среди школьников.

Он сделал хорошее дело,— сказал я,— мы ищем, чтобы поблагодарить его. Почему же он не хочет открыться?

В том-то и дело,— ответил учитель,— ему не хочется выхваляться тем, что самому ничего не стоило. Он стыдится, и это стыд здоровый: каждый должен был так поступить.

Но не все же такие мальчики: нам нужно непременно найти его, нам нужен пример для других.

Это правда! — ответил учитель.

И, подумав немного, сказал:

Мне пришла в голову мысль. Мы найдём! . Скажите, сколько было гусей?

— Их было восемь,— ответил я.

— Так помните: восемь,— сказал учитель,— и напишите рассказ об этом случае, напишите правдиво и подчеркните в нём, что было не сколько-нибудь, а именно восемь гусей.

Замысел свой учитель от меня скрыл. Я и не стал допытываться, скоро написал рассказ, и в одно воскресенье мы с учителем устроили чтение в школе весёлых рассказов разных авторов. Так дошло и до чтения моего правдивого рассказа о собаке Жульке и о гусях. Нарочно для правдивости я и Жульку привёл в школу, показывал, как она по слову «лежать!» ложится, как делает стойку. Веселье началось особенное, когда я читал про гусиный пух, и что я, как полководец, держал в уме поведение каждого гуся.

— А сколько их всех было?--спросил меня в это время учитель.

— Восемь гусей, Иван Семёныч!

— Нет,— сказал учитель,— их было пятнадцать.

— Восемь!--повторил я.— Утверждаю: их было восемь.

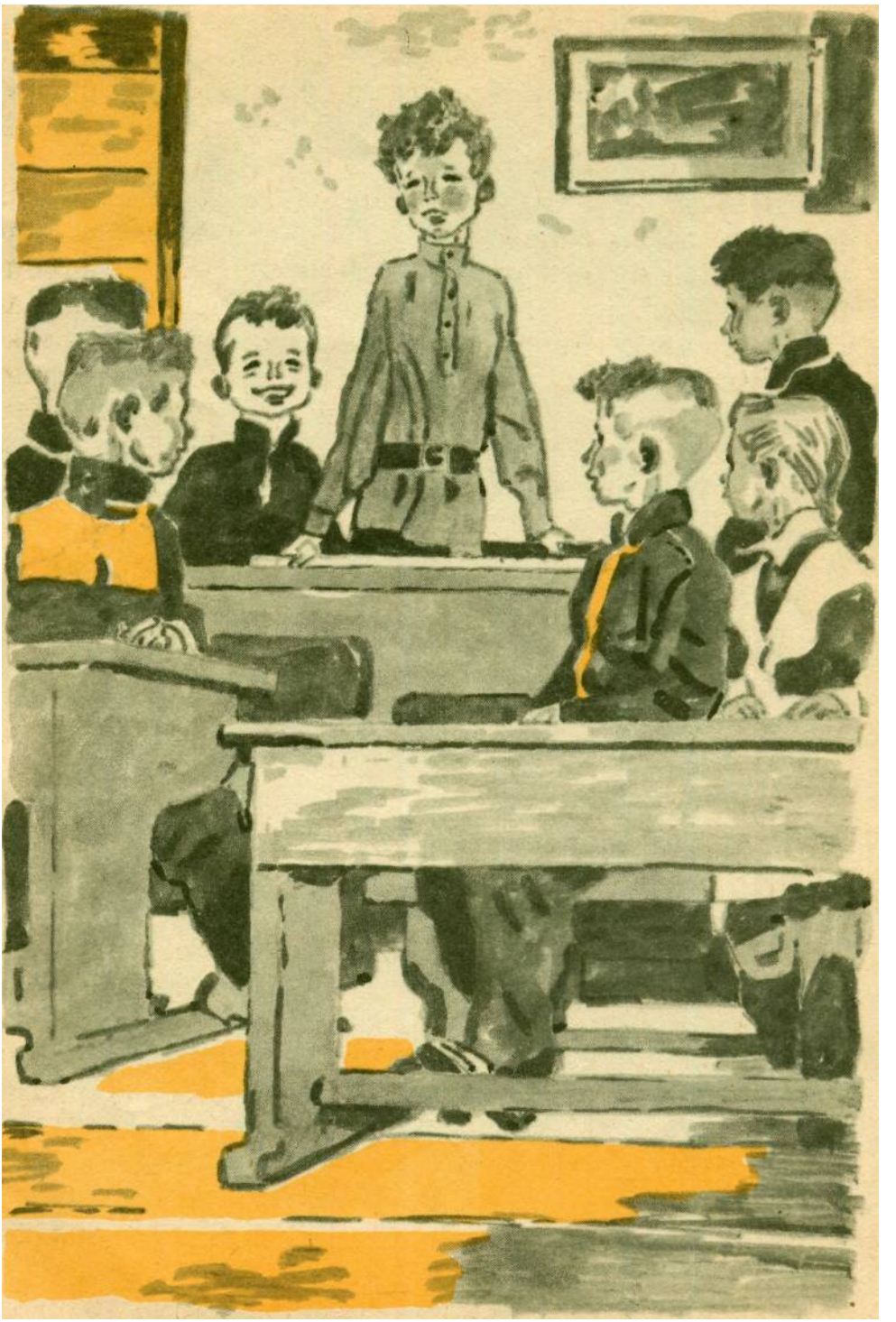
И я утверждаю,--резко сказал Иван Семёныч,— их было именно пятнадцать, и могу доказать; хотите, пойдём сейчас к хозяину и сосчитаем: их у него пятнадцать.

Во время этого спора чьё-то нежное, стыдливое сердце сжималось от боли за правду, и это сердце было на стороне автора рассказа о гусях и собаке. Какой-то мой слушатель, мой читатель будущий, мой сторонник, горел за правду у себя на скамеечке.

— Утверждаю,— сказал учитель,— гусей было пятнадцать.

Неправда!--закричал мой друг.— Гусей было восемь.

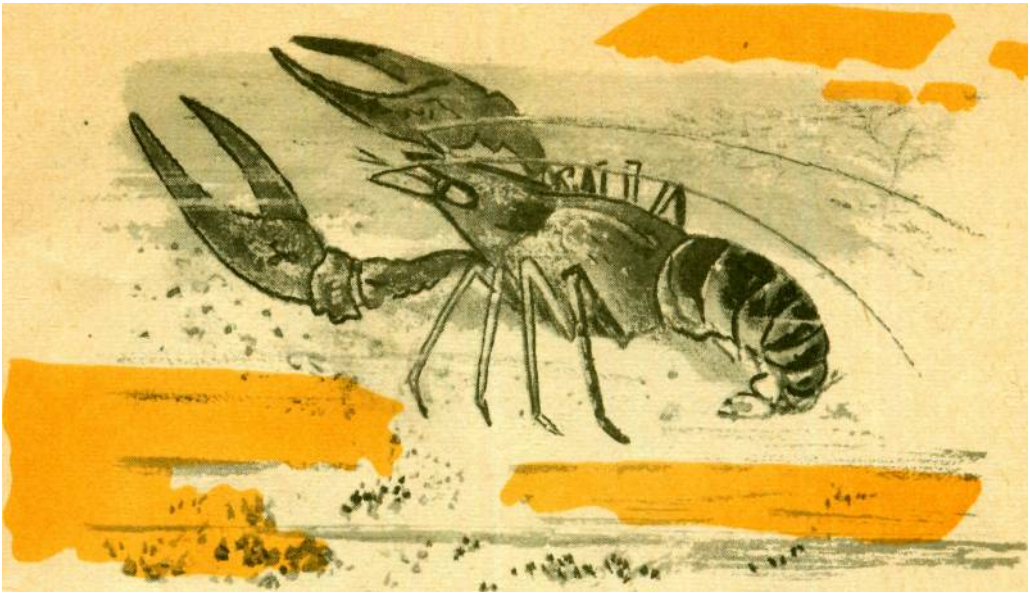
Так мой друг поднялся за правду, весь красный,



вихрастый, взволнованный, с глазами, устремлёнными на учителя.

Это и был Вася Весёлкин, стыдливый, застенчивый в своих добрых делах и бесстрашный в отстаивании правды.

— Ну, спасибо тебе, мой друг,— сказал я и подарил спасителю моей Жульки любимую в детстве книгу «Всадник без головы».



О ЧЕМ ШЕПЧУТСЯ РАКИ

Удивляюсь на раков — до чего много, кажется, напутано у них лишнего: сколько ног, какие усы, какие клешни, и ходит хвостом наперёд, и хвост называется шейкой! Но всего более дивило меня в детстве, что когда раков соберут в ведро, то они между собой начинают шептаться. Вот шепчутся, вот шепчутся, а о чём — не поймёшь.

И когда скажут: «Раки перешептались»,— это значит, они умерли и вся их рачья жизнь в шёпот ушла.

В нашей речке Вертушинке раньше, в моё время, радов было больше, чем рыбы. И вот однажды бабушка Домна Ивановна с внучкой своей Зиночкой собрались к нам на Вертушинку за раками. Бабушка с внучкой пришли к нам вечером, отдохнули немного--и на реку. Там они расставили свои рачьи сеточки. Эти рачьи сачки у нас все делают сами: загибается ивовый прутик кружком, кружок обтягивается сеткой от старого невода, на сетку кладётся кусочек мяса или чего-нибудь, а лучше всего кусочек жареной и духовитой для раков лягушки. Сеточки опускают на дно. Учуяв запах жареной лягушки, раки вылезают из береговых печур, ползут на сетки. Время от времени сачки за верёвки вытаскивают кверху, снимают раков и опять опускают.

Простая эта штука. Всю ночь бабушка с внучкой вытаскивали раков, наловили целую большую корзину и утром собрались назад, за десять вёрст к себе в деревню. Солнышко взошло, бабушка с внучкой идут, распарились, разморились. Им уж теперь не до раков, только бы добраться домой.

Не перешептались бы раки,— сказала бабушка.

Зиночка прислушалась.

Раки в корзинке шептались за спиной бабушки.

О чём они шепчутся?--спросила Зиночка.

Перед смертью, внученька, друг с другом прощаются.

А раки в это время совсем не шептались. Они только тёрлись друг о друга шершавыми костяными бочками, клешнями, усиками, шейками, и от этого людям казалось, будто от них шёпот идёт. Не умирать раки собирались, а жить хотели. Каждый рак все свои ножки пускал в дело, чтобы хоть где-нибудь найти дырочку, и дырочка нашлась в корзинке, как раз чтобы самому крупному раку про-

лезть. Один рак вылез крупный, за ним более мелкие шутя выбрались, и пошло, и пошло: из корзинки — на бабушкину кацавейку, с кацавейки - на юбку, с юбки — на дорожку, с дорожки--в траву, а из травы — рукой подать речка.

Солнце палит и палит. Бабушка с внучкой идут и идут, а раки ползут и ползут. Вот подходят Домна Ивановна с Зиночкой к деревне. Вдруг бабушка остановилась, слушает, что в корзинке у раков делается, и ничего не слышит. А что корзинка-то лёгкая стала, ей и невдомёк: не спавши ночь, до того уходилась старуха, что и плеч не чует.

— Раки-то, внученька,— сказала бабушка,- должно быть, перешептались.

— Померли? — спросила девочка.

Уснули,— ответила бабушка,— не шепчутся больше.

Пришли к избе, сняла бабушка корзинку, подняла тряпку:

Батюшки родимые, да где же раки-то?

Зиночка заглянула — корзина пустая.

Поглядела бабушка на внучку — и только руками развела.

Вот они, раки-то,— сказала она,— шептались! Я думала, они это друг с другом перед смертью, а они это с нами, дураками, прощались.

ЛИСИЧКИН ХЛЕБ

Однажды я проходил по лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял я с плеч тяжёлую сумку и стал своё добро выкладывать на стол.

— Это что за птица? — спросила Зиночка.

— Терентий,— ответил я.

И рассказал ей про тетерева, как он живёт в лесу, как бормочет весной, как берёзовые почки клюёт, ягодки осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей, что серенький, с хохолком;

и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть. "Ещё я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и чёрных. Ещё у меня была в кармане кровавая ягодка костяника, и голубая черника, и красная брусника. Ещё я принёс с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

— Кто же их там лечит? — спросила Зиночка.

— Сами лечатся,— ответил я.— Придёт, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнёт топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит, отдохнёт. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдёт. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затянет.

Тоже нарочно для Зиночки принёс я разных

чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слёзки, валерьянка, петров крест, заячья капуста. И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок чёрного хлеба: со мной это постоянно бывает, что когда не возьму хлеба в лес--голодно, а возьму--забуду съесть и назад принесу. А Зиночка, когда увидала у меня под заячьей капустой чёрный хлеб, так и обомлела:

— Откуда же это в лесу взялся хлеб?

Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста...

— Заячья...

— А хлеб Лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть.

— Хороший лисичкин хлеб.

И съела весь мой чёрный хлеб дочиста. Так и пошло у нас: Зиночка, капуля такая, часто и белый-то хлеб не берёт, а как я из леса лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

— Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

СОДЕРЖАНИЕ

Золотая рука. *Рисунки В. Юдина* 3

Вася Весёлкин. *Рисунки Г. Никольского* и *В. Юдина* . . . 13

О чём шепчутся раки. *Рисунки Г. Никольского* и *В. Юдина* 25

Лисичкин хлеб. *Рисунки В. Юдина* 29

Обложка и форзац
В. Юдина

На титуле автолитография

Г. Верейского

Для младшего школьного возраста

Михаил Михайлович Пришвин

ВАСЯ ВЕСЁЛКИН

Рассказы

ИБ № 1321

Ответственный редактор Л. И. Доукша. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор М. В. Журавлёва. Корректор Ю. В. Дубовицкая. Сдано в набор 12.01.79. Подписано к печати 23.08.79. Формат 70x100/16. Бум. офс. №2. Шрифт латинский. Печать офс. Усл. печ,- л. 2,6. Уч.-изд. л. 1,91. Тираж 1500 000 экз. Заказ № 787. Цена 10 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Серия ЧИТАЕМ САМИ

. ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература»
В серии «ЧИТАЕМ САМИ» в 1979 году выходят книги:

ОХОТНИК ДО СКАЗОК.
В книгу входят русские народные сказки в пересказах К. Ушинского, Л. Толстого, Б. Шергина и др.

ПРИ СОЛНЫШКЕ ТЕПЛО, ПРИ МАТЕРИ ДОБРО.
Русские пословицы и поговорки

Воскресенская З.
ЛЕНИВОЕ СОЛНЦЕ.
Рассказы о жизни детей.

Чарушин Е.
ТОМКИНЫ СНЫ.
Рассказы о животных.